

ШВЕДСКИЕ СТРАНИЦЫ В ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ

А.П. Недоспасова

Новосибирская государственная консерватория
(академия) им. М.И. Глинки

anedospasova@yandex.ru

Статья посвящена описанию трех шведских манускриптов, свидетельств жизни первых лютеранских общин в Сибири. Созданные шведскими военнопленными в первой трети XVIII в., уникальные книги проделали путь из России в Швецию, где и хранятся сегодня. Среди них редчайшим образцом является музыкальный сборник военно-полковой и танцевальной музыки эпохи барокко.

Ключевые слова: шведские военнопленные, пиетизм, Сибирь, Тобольский манускрипт, Густав Блиндстрём, инструментальная музыка барокко.

SWEDISH PAGES IN THE HISTORY OF SIBERIAN MUSIC CULTURE

A.P. Nedospasova

Novosibirsk State Conservatory (Academy) Glinka

anedospasova@yandex.ru

The article is dedicated to description of a three rare manuscripts, illustrations first year's life of Lutheran community in Siberia. Books were written by Swedish prisoners in the first third of the XVIII century now are situated in Skara (Sweden). Among them absolutely unique music handbook named «Tobolskj manuscript» written in Tobolsk in 1715 – 1721. This rare book contains military marches and dances of the Baroque Era.

Key words: Swedish prisoners, Pietism, Siberia, Tobolsky manuscript, Gustaf Blidstroem, Baroque instrumental music.

Начиная с XVIII в. освоение Сибири сопровождалось внедрением в сложившиеся здесь музыкальные традиции элементов европейской академической культуры. Значимую роль в их распространении сыграли находящиеся здесь в разные периоды XVIII–XX столетий военнопленные¹.

¹ В последние десятилетия интерес к исследованию роли военнопленных в развитии Сибири значительно возрос, о чем свидетельствуют работы: Черказянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). – М., 2000. – 307 с.; Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII

Историю музыкальной европеизации Сибири открыли шведы, плененные в ходе Полтавского сражения летом 1709 г. Рассредоточенные первоначально по городам и населенным пунктам Центральной России, территориям, прилегающим к Уральским горам, позже они были высланы в Сибирскую губернию. По некоторым сведениям, только в Тобольске количество во-

века. – М.: РГГУ, 2005. – 210 с.; Материалы международной конференции «Полтава: Судьбы пленных и взаимодействие культур»: Сб. ст. / Под ред. Т. Топтендаль-Салычевой. – М.: РГГУ, 2009.

еннопленных составляло около 2000 человек, а всего в Сибири их находилось около десяти тысяч².

Реконструировать некоторые из событий того времени помогают документы зарубежных архивов. Среди них – уникальные источники, находящиеся в библиотеке одного из старейших городов Швеции Скара (Skara), имеющие непосредственное отношение ко времени пребывания шведов в сибирском крае. Речь идет о трех манускриптах, владельцами и составителями которых были военнопленные.

Два из них представляют собой рукописные копии ранее опубликованных книг, так называемые апографы. Первый – лютеранский катехизис³, переведенный на шведский язык с немецкого издания, опубликованного ранее во Франкфурте в 1677 г. основателем пиетизма Филиппом Якобом Шпенером⁴ (Ph. J. Spener, *Einfaltige Erklärung der christlichen Lehr, nach der Ordnung des kleinen Catechismi des teuren Manns Gottes Lutheri*). Эта рукописная книга составлена в Томске в 1715 г. специально для прибывших сюда из Тобольска в 1714 г. каролинов.

Объемный, обернутый в тонкую кожу сборник высотой около 10 см. (рис. 1) составлен из листов грубой серой бумаги, написанных плотным почерком. На обложке под названием можно прочесть следующее: «начата 9 апреля и окончена 30 августа 1715 г. в Томске на шестой, седьмой год на-

шего плена и бедствий» (перевод А. Недоспасовой). Кроме этого, на задней обложке видна приписка на русском языке следующего содержания: «приписал Федор Протопопов» (вероятно, Протопопов? (прим. автора)). Роль автора этой надписи в судьбе манускрипта пока остается неизвестной.

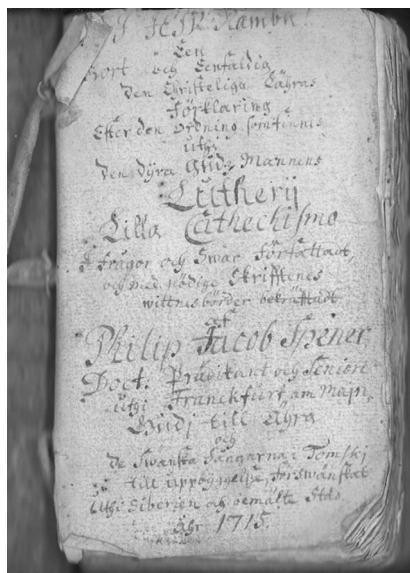

Рис. 1. Лютеранский катехизис Ф.Я. Шпенера на шведском языке
Фото: Х. Бэкман, Skara Stiftsbibliotek

Согласно данным Э. Нюстрём (E. Nyström)⁵ в Швеции сохранилось три рукописных перевода катехизиса на шведский язык, каждый из них является оригинальным. Помимо вышеупомянутого, один экземпляр хранится также в Швеции в г. Уппсала, другой в Финляндии. Исследовательнице удалось идентифицировать авторов-составителей рукописи: это капитан Якоб Е. Штааре (J. E. Staare), рукой которого выполнен сборник, автором пере-

² Шебакина Г.В. Указ. соч. – С. 97–110.

³ Skara Stiftsbibliotek, MS Teologi 33: A Swedish translation of Spener's catechism.

⁴ Труды Ф.Я. Шпенера заложили основы теологической парадигмы пиетизма – особого религиозного поведения, направленного на обретение мистического опыта непосредственного общения с Богом. Пиетизм сложился в лоне лютеранской теологии на рубеже XVII–XVIII столетий.

⁵ Nyström E. *Permeable Boundaries: Manuscript and Print in Concert in Early Modern Sweden* // LIR. journal. – Gothenburg. – 2011. – №1. – С. 101–125.

вода с немецкого языка был проповедник одного из батальонов Юнас Остерберг (Jonas Österberg). Кончики внешних нижних углов на страницах документа не сохранились, из чего можно сделать вывод, что к книге обращались достаточно часто.

Многие каролины восприняли идеи пиетизма именно в сибирской ссылке. По свидетельству капитана К. фон Вреха, подобный экземпляр катехизиса Шпенера находился и в обиходе пленных в Тобольске. Использовали его регулярно, дважды в неделю во время собраний общины проходили уроки по изучению основ протестантской веры⁶. Дальнейшая судьба этой книги пока неизвестна.

В жизни ссыльных каролинов религия играла важнейшую роль. В условиях православного окружения вера и сами формы деятельности лютеранских общин позволяли шведам значительно облегчить задачу выживания. Большинство их, будучи сторонниками пиетизма, восприняли выработанную в недрах этого движения концепцию воспитания и образования. Особенно актуальными для пленников стали идеи об обязательной практической деятельности во благо ближних. Находясь в русле влияний Ф.Я. Шпенера, шведские пасторы и представители высшего генералитета поддерживали из Сибири связь с основоположниками пиетизма в Германии. Они получали моральную и материальную поддержку из Галле. Все это сыграло значительную роль в формировании в Тобольске лютеранского прихода в ноябре 1713 г., годом позже – в организации больницы и школы для детей пленников.

⁶ C. Von Wreech. Wahrhafte und umstandliche Historie von den schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien, 1725. Цит. по: Nyström E. Permeable Boundaries...

Религиозная жизнь шведов нашла отражение и в других источниках, касающихся их пребывания в Сибири – в мемуарах, письмах и дневниках.

Рис. 2. Сборник протестантских гимнов, составленный М. Хагеманом
Фото: Х. Бэкман, Skara Stiftsbibliotek

Следующий манускрипт (рис. 2) представляет собой собрание изданных в Швеции в 1697 г. текстов протестантских гимнов⁷. С оригинального издания гимны переписал в 1714 г. в Тобольске лейтенант артиллерии Юхан Матиас Хагеман (Johan Matias Hageman), о чем свидетельствует титульный лист рукописи. В изготовлении использована бумага высокого качества, цветные чернила, не потерявшие со временем яркость. Хорошо сохранившиеся обложка из плотной кожи и добротный переплет указывают на то, что в создание манускрипта были вложены немалые материальные средства.

⁷ Skara Stiftsbibliotek, MS Teologi 105: Johan Matias Hageman's hymn book from 1714.

Сопоставление внешнего облика томского и тобольского документов вызывает в памяти замечание исследователей о том, что пленные в Тобольске жили несколько лучше, чем их собратья в других городах Сибири. Одной из существенных тому причин было сочувственное отношение губернатора, князя М.П. Гагарина, которое он проявлял к шведам. Об этом можно судить на основании многочисленных примеров его благодеяний в пользу военнопленных⁸.

Рис. 3. Фрагмент нотного текста
Тобольского манускрипта
Фото: Х. Бэкман, Skara Stiftsbibliotek

Третий, совершенно уникальный документ из архива рукописей библиотеки в Скаре – музыкальная тетрадь (рис. 3), составленная гобоистом Густавом Блиндстрёмом (Gustaf Blidström, 1658–1744), офицером Скараборгского полка. На титульном листе запечатлены место и время создания сборника: Тобольск, 1715 г. Шведскими исследователями документ назван Тобольским манускриптом. Спустя два столетия он обратил на себя внимание ученых в начале XX в., но затем вновь пережил почти столетний период забвения⁹.

⁸ Шебалдина Г. Указ соч. – С. 97–110.

⁹ Landtmansson S. Menuetter och Polska Dantzar // Svenska Landsmälen ock Svenskt folkliiv. – Stockholm, 1912. – S. 82.

Легко поместившийся на ладони памятник музыкального искусства переплетен суровой нитью, потемневший, до блеска отполированный временем кожаный переплет укреплен картоном. Плотные странички с красивым убористым и очень аккуратным нотным текстом предваряет титульный лист, на котором отражено содержание сборника, а также инициалы автора-составителя – G. Blid. Всего манускрипт содержит около 300 сочинений.

На некоторых из листов просматриваются водяные знаки – фрагменты герба Амстердама, что позволяет говорить о голландском происхождении бумаги. Ее использование характерно для сибирской письменности того периода – факт, подтверждающий сведения, касающиеся места и времени создания памятника¹⁰.

В сборнике представлены шведские военные марши, значительное число распространенных в Европе на рубеже XVII–XVIII вв. танцев: французских, итальянских, польских, шведских. Значительным по объему является собрание инструментальных вариаций на известнейшую тему так называемых «испанских безумств» – *Foli D’Espagne*. Кроме этого, в собрание включены некоторые весьма оригинальные пьесы, как, например, Смоленский полонез (*Polones Smolenskej*), Тобольский сальто (*Prim. Salto 17 Tobolski 22 Octob. 1715*), Тобольский марш (*March D’Tobolskej*), Курляндский полонез (*Polones Curlandskej*).

Как и другие рукописные сборники рубежа XVII–XVIII вв., Тобольский манускрипт характеризуется устойчивым жанровым составом, получившим определение «ритмическая музыка». Танцы и мар-

¹⁰ См. об этом: Есипова Е. А. Филлигранные на бумаге сибирских документов XVII–XVIII вв. – Томск, 2005. – С. 3–4.

пии представляли собой часть огромного жанрового пласта высокохудожественных творений эпохи барокко. Сочетание в манускрипте репертуара полкового музыканта, танцевальных пьес, инструментальных вариаций и собственных сочинений делает его свидетельством не только профессиональной деятельности Г. Блидстрёма, но и частной жизни шведской общины в Тобольске.

Манускрипт актуализирует новую для отечественного гуманитарного знания тему «музыкальной нордистики». На фоне скудных данных о зарождении европейских традиций инструментального музицирования рукопись Г. Блидстрёма демонстрирует фиксированный пласт произведений, привнесенных шведскими музыкантами в звуковую палитру и быт сибирских городов в первой трети XVIII в. Это образцы западноевропейского музыкального мышления, процесс освоения которого охватил Швецию, а затем и Россию. Как и в начале XVII столетия в Швеции, так и на рубеже XVII–XVIII вв. в России посредничество иностранных композиторов и инструменталистов создало условия для становления национальных традиций в музыкальной культуре Нового времени.

Детальное изучение обстоятельств создания Тобольского манускрипта и его содержания позволило автору статьи объединить разрозненные сведения по «шведской теме», собрать в единую картину эпизоды, имеющие отношение к пребыванию, деятельности шведских военнопленных музыкантов в России в первой половине XVIII в.¹¹

¹¹ Недоспасова А.П. Тобольский манускрипт Густава Блидстрёма в контексте явлений инструментального искусства Швеции и России второй половины XVII – первой половины

По мнению историка А. Кана, пленные каролины образовали в России вторую по величине группу выходцев из стран Европы после колонии немцев, поселившихся в Москве в конце XVII столетия¹². Среди них число пленных музыкантов составило более 200 человек. Точное число теперь едва ли возможно установить. Так, отечественные исследователи указывают цифру в 279 человек¹³. В монографии «Полтава» шведский историк П. Энглунд приводит следующие сведения о численности музыкантов, взятых в плен на поле Полтавской битвы: «13 литаврщиков, 73 трубача, горниста и гобоиста, 145 барабанщиков и флейтчиков..., четыре фанфариста»¹⁴. Следует подчеркнуть, что это были профессионалы, владевшие, как правило, игрой на нескольких инструментах. Известно, что военные музыканты сопровождали все перемещения войск. В их обязанности также входило исполнение духовной музыки (хоралов, гимнов) и светских сочинений (парадных маршей, танцев и т. п.) во время отдыха офицеров и высшего командования.

В своем составе армия каролинов имела наемных военнотружущих. Были они и среди музыкантов. Так, в июне 1709 г. в Полтавской битве принимал участие кузен И.С. Баха Иоганн Якоб. В совершенстве владевший игрой на духовых инструментах XVIII века: Автореф. дис. ... канд. искусств. – Новосибирск, 2012. – 23 с.

¹² См.: Кан А. Шведско-русские культурные связи в XVII–XVIII вв. / Царь Пётр и король Карл. Два правителя и их народы / Сб. ст.; пер. с швед. В. Возгрина. – М., 1999. – С. 226–243.

¹³ Сведения взяты из статьи: Музыка на Полтавскую победу / Сост., публ., исслед. и коммент. В.В. Протопопова // Памятники русского музыкального искусства. Вып. 2. – М., 1973. – С. 201.

¹⁴ Энглунд П. Полтава: рассказ о гибели одной армии / Пер. с швед. С. Белокриницкой, Т. Доброничкой. – М., 2009. – С. 313.

ментах, он стал не только одним из музыкантов Его Величества шведского короля Карла XII, но и особо приближенным к королевской свите. Это был тот самый *fratello diletissimo*, которому юный Иоганн Себастьян посвятил свое единственное программное сочинение для клавира «Каприччио на отъезд возлюбленного брата». Чудом избежав плена (спасся бегством, переправившись с частью придворного штата на другой берег Днепра), он после нескольких лет скитаний окончательно обосновался в Швеции. Вполне резонно было бы предположить, что кузен великого немецкого композитора и автор Тобольского манускрипта могли не только знать друг друга, но и музицировали вместе. Однако пока это только гипотеза, не подтвержденная конкретными свидетельствами.

Как уже отмечалось, основной контингент исполнителей на службе у русской знати в первой половине XVIII в. состоял из инструменталистов-иностранцев. Шведы пополняли их число. Вместе с ними в России появилось значительное количество европейских инструментов. Перечисляя военные трофеи, П. Энглунд говорит о «множестве труб, литавр и гобоев»¹⁵. Известно, что во время Триумфального шествия, состоявшегося в Москве в декабре 1709 г., музыкальные инструменты вместе с другими трофеями везли для всеобщего обозрения на 54 открытых фурах.

Упоминания о дальнейшей судьбе пленных музыкантов носят спорадический характер. Шведы находились среди двадцати музыкантов оркестра Петра I (вместе с российскими и специально приглашенными иностранными артистами). В ансамбле с немецкими коллегами, всего около десяти человек, они музицировали в соста-

ве небольшого домашнего оркестра княгини М.Ю. Черкасской, жены видного деятеля петровской эпохи князя А.М. Черкасского – вельможи, который, по отзывам современников, сам был отличным музыкантом. Часто оркестр играл в доме Черкасских по традиции тех лет «во время стола»¹⁶.

В 1716 г. шведскими музыкантами пополнились ряды оркестра светлейшего князя А.Д. Меншикова. Военнопленные продолжали служить в нем на протяжении десяти последующих лет¹⁷. Позже князь оказался в списке нарушителей указа Петра об отправке шведов на родину. Присланный шведским правительством контролировать отправку пленных барон Й. Цедеркрейц сообщал о том, что Меншиков отобрал паспорта у семерых музыкантов, находившихся у него в «партикулярной службе», пытаясь насильственно оставить пленных у себя¹⁸.

Незначительная по объему информация о пребывании пленных музыкантов в Сибири содержится в краеведческих материалах и исследованиях по истории Томска, Тобольска, Енисейска. Шведы принимали участие в вечерах и праздниках, которые устраивал в своем доме губернатор М.П. Гагарин. Новые формы светского времяпровождения, входившие в России в моду в начале XVIII столетия, – танцы, непринужденные беседы, игры, – все это было новым для русского дворянства, но привычным, хорошо знакомым для шведских офицеров. Сохранились упоминания о том,

¹⁶ Березовчук Л.Н. Черкасская М.Ю. / Музыкальный Петербург. XVIII век. / Энциклопедический словарь. – СПб., 1999. – Т. 1. – Кн. 3. – С. 254–255.

¹⁷ Саверкина И.В., Семёнов Ю.Н. Меншиков Александр Данилович / Музыкальный Петербург. XVIII век. – Т. 1. – Кн. 2. – СПб., 1999. – С. 204–208.

¹⁸ Шебалдина Г.В. Указ. соч. – С. 160.

¹⁵ Энглунд П. Указ. соч. – С. 314.

что под руководством автора Тобольского манускрипта Г. Блиндстрёма был создан небольшой ансамбль, принимавший участие в танцевальных вечерах и городских праздниках. Коллектив выступал в Тобольске и перед губернатором. Известно, что за выступление 10 марта 1715 г. музыканты получили от М.П. Гагарина денежное вознаграждение¹⁹.

В расходных книгах Тобольской губернской канцелярии от 1713 г. есть запись о выдаче бумаги «на губернаторский двор на нотные книги»²⁰, что свидетельствует об обстоятельствах создания оркестра при доме первого сибирского губернатора.

Одним из наиболее интересных подтверждений концертной и наставнической деятельности военнопленных являются путевые заметки за 1720–1721 гг., составленные англичанином Джоном Беллом (Антермонским). Он, в частности, раскрывает факт создания в Томске в 1719 г. ансамбля «европейской музыки» из шведских военнопленных, которым руководил городской воевода В.Г. Козлов. «За наше пребывание в Томске мы развлекались рыбной ловлей и охотой. Мы также присутствовали на музыкальных концертах, исполненных шведскими офицерами и господином Козловым, комендантом города. Эти джентльмены не менее искусны в обращении со своими инструментами, как и их коллеги в Тобольске»²¹.

¹⁹ Симич М., Чубка Н.А., Ярков А.П. Попытка реконструкции европейской музыкальной традиции в Тобольске в первой четверти XVIII в. // «Aus Sibirien» – 2006: Науч.-информ. сб.: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2006. – С. 116.

²⁰ Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – первой половины XVIII в. – Новосибирск, 1974. – С. 130.

²¹ Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск, 1968. – С. 69.

Упоминания о музыке содержатся в дневниках шведских военнопленных. Л. Каг отмечает, что 14 ноября 1721 г. пленные в Тобольске ожидали приказа русских властей с разрешением отправиться в обратный путь. Они также праздновали день рождения своего короля, «кроме речи барона Роламба, проповеди пастора Валера у нас была музыка»²².

Каковы были пути возвращения на родину созданных в Сибири рукописей и их владельцев? Отряды военнопленных начали отправлять из Сибири в Москву и Петербург только через несколько месяцев после подписания Ништадского мира. Нам не удалось найти сведения о М. Хагемане. Переписчикам катехизиса Я. Штаре и Ю. Остербергу было суждено погибнуть в плену. Вероятно, оба сборника попали в Швецию вместе с теми немногими пленниками, кому посчастливилось преодолеть опасности обратного пути. Известно, что кроме естественных трудностей пленные терпели постоянные обыски, у них вымогали деньги, провиант и имущество. Рукописи религиозного характера на шведском языке вряд ли могли заинтересовать тех, кто обыскивал пленных, что и поспособствовало их сохранности.

Судьба автора Тобольского манускрипта после окончания Северной войны сложилась следующим образом. Проведя в России в общей сложности около 12 лет, в январе 1722 г. вместе с другими военнопленными Г. Блиндстрём отправился в долгий путь из Сибири в Швецию. Около года понадобилось ему, чтобы вернуться в свое родовое поместье, располагавшееся неподалеку от Скары.

²² Leonhard. Kaggs Dagbok 1698–1722 // Historiska handlingar (HH). Del. 24. – Stockholm, 1912. – С. 281. Сведения любезно предоставлены автору Г. Шебалдиной.

В документах, касающихся осмотра принадлежавшего Блиндстрёму дома, сохранились сведения о том, что 15 октября 1724 г. была «проведена инспекция усадьбы 2-го гобойста Скараборгского лена инфантерии пехотного полка, именуемой Люббагорден в Мадэнга, уезда Вартоффа, приход Аклинга, что в 1700–1709 гг. была в пользовании Густава Блиндстрёма... поскольку Блиндстрём в 1699 г. ушел воевать с полком и с тех пор не возвращаясь, теперь воротился из русского плена и в великой нужде пребывает до своего жалования». Из «Перечня на вспомоществование в пехотных полках» известно, что по возвращении из России с 14 мая 1723 г. Блиндстрём получал пенсию²³.

Обстоятельства последних лет его жизни можно установить на основании церковно-приходских книг Скары. В них зафиксированы факты женитьбы Блиндстрёма и рождения детей²⁴. Густав Блиндстрём скончался 19 февраля 1744 г. в возрасте 86 лет, не оставив после себя имущества. Исключением является Тобольский манускрипт, ставший уникальным историческим документом.

О существовании Тобольского манускрипта в России стало известно в 1999 г.²⁵ Актуальность его изучения обусловлена тем, что иных исполнявшихся на рубеже XVII–XVIII вв. в России (не только

в Сибири, но и в Москве, Петербурге) инструментальных композиций не обнаружено. До сих пор об этом виде музицирования мы могли судить только опосредованно, на основании нарративных источников, литературных сочинений, различного рода изображений, гравюр. К самым ранним из известных сборников ранее относился клавирный альбом пьес во французском стиле, датируемый 1724 г. Предположительно он был собственностью князя В.А. Долгорукого, дипломата петровской эпохи, в 1707–1723 гг. бывшего российским послом в Дании и Франции²⁶.

Тобольский манускрипт расширяет наши представления об инструментальной музыке в России в первой трети XVIII в., а процесс проникновения в отечественную культуру западноевропейских музыкальных традиций наполняется новым и, что существенно, конкретным содержанием. Произведения манускрипта открывают перед исследователем своего рода панораму светского музыкального быта конца XVII–первой трети XVIII в. Интерес к наполнению этой картины звуковым содержанием послужил автору статьи импульсом для реконструкции содержащихся в нем произведений в системе современного музыкального письма. Опыт воссоздания некоторых пьес показал перспективность данной работы²⁷.

²³ Landtmansson S. De senaste karolinska musikfynden // Karolinska Förbundets Årsbok, 1914.

²⁴ Фамилия Блиндстрём в Швеции является достаточно редкой, и можно предполагать, что современные шведы с такой фамилией – потомки полтавского пленника (прим. автора).

²⁵ О существовании манускрипта Г. Блиндстрёма нам стало известно благодаря сотрудничеству ансамбля ранней музыки *Insula Magica* (г. Новосибирск) и шведского коллектива *Laude Novella* (г. Охус).

²⁶ См. об этом: Натансон В. Прошлое русского пианизма. – М., 1960. – 290 с.

²⁷ На основе реконструкции некоторых пьес Тобольского манускрипта силами ансамблей *Laude Novella* (Åhus) и *Insula Magica* (Новосибирск), участником которого является автор данной публикации, был подготовлен и записан на компакт-диск музыкально-исторический проект «Эхо Полтавы» (ELNCD 0304 ELN Records, 2003, 2008), исполнявшийся в 2000–2009 гг. на международных фестивалях, концертных площадках Новосибирска, Стокгольма, Тобольска, Москвы, Полтавы, Львова.

Манускрипт Блиндстрёма является бесценным памятником, втянувшим в свои пределы множество факторов, связанных с явлениями культуры и искусства России и стран Европы. Его анализ дополняет и уточняет картину географических и хронологических процессов, связанных с распространением принципов европейского музыкального мышления. Здесь исследователь приходит к выводу о том, что единый по направленности и содержанию, хотя и разграниченный временным интервалом, процесс европеизации национальной культуры прошел в Швеции на столетие раньше, чем в России.

Такого рода сравнительное изучение дает ключ к пониманию путей и способов возникновения и развития отечественной музыки XVIII в. и последующего времени. Уникальная в своих классических формах российская культура складывалась в результате скрещивания разнообразных жанрово-интонационных потоков, нелинейных и многовариантных. Эти потоки постепенно и с разной степенью интенсивности наполняли в том числе русло отечественной инструментальной музыки, которая с конца XVII в. переживала период значительных перемен. Музыкальная тетрадь пленного музыканта позволяет разглядеть механизм и результаты функционирования одной национальной культуры в контексте и взаимодействии с инонациональной средой.

Тобольский манускрипт – один из многих примеров, свидетельствующих о том, что, казалось бы, частное, локальное явление культуры является на самом деле свидетельством самых значительных событий. Пленные шведские музыканты, «Стокгольмский» Бах, созданный Г. Блиндстрёмом памятник музыкального искусства образуют в совокупности историческую нить, связу-

ющую в единую цепь причин и следствий обстоятельства Северной войны, музыкальную историю Европы и России, замечательных представителей этой истории, наконец, судьбы российско-шведских отношений.

Литература

Березовчук А.Н. Черкасская М.Ю. / Музыкальный Петербург. XVIII век // Энциклопедический словарь. – СПб., 1999. – Т. 1. – Кн. 3. – С. 254–255.

Есипова Е. А. Филигранные на бумаге сибирских документов XVII–XVIII вв. – Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 210 с., ил.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск.: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 245 с.

Кан А. Шведско-русские культурные связи в XVII–XVIII вв. / Царь Пётр и король Карл. Два правителя и их народы / Сб. ст.; пер. с швед. В. Возрина. – М., Текст, 1999. – С. 226–243.

Котылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 1968. – 167 с., ил.

Музыка на Полтавскую победу / Сост., публ., исслед. и коммент. В.В. Протопопова – М.: Музыка, 1973. – 253 с., ил., нот. (Памятники русского музыкального искусства. Вып. 2.).

Натансон В. Прошлое русского пианизма. – М.: Музгиз, 1960. – 290 с.

Недоспасова А.П. Тобольский манускрипт Густава Блиндстрёма в контексте явлений инструментального искусства Швеции и России второй половины XVII – первой половины XVIII века: Автореф. дис.... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2012. – 23 с.

Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур: Сб. ст. / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой, А. Юнсон. – М.: РГГУ, 2009. – 462 с., ил.

Саверкина И.В., Семёнов Ю.Н. Меншиков Александр Данилович / Музыкальный Петербург. XVIII век. – Т. 1. – Кн. 2. – СПб., 1999. – С. 4–208.

Симич М., Чубка Н.А., Ярков А.П. Попытка реконструкции европейской музыкальной традиции в Тобольске в первой четверти XVIII в. // «Aus Sibirien» – 2006: Науч.-информ. сб.: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень: Экспресс, 2006. – С. 115–117.

Черказянова И. В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). – М., ЭПОС, 2000. – 307 с.

Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII века. – М.: РГГУ, 2005. – 210 с.

Энгелунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии / Пер. со швед. С. Белокриницкой, Т. Добронницкой; прим. В. Артамонова. – 2-е изд. – М.: Новое лит. обозрение, 2009. – 352 с.

Landtmansson S. Menuetter och Polska Dantzar // Svenska Landsmälen ock Svenskt folkliv. – Stockholm, 1912. – S. 78–126.

Landtmansson S. De senaste karolinska musikfynden // Karolinska Förbundets Årsbok 1913. – Lund, 1914. – S. 389–401.

Leonhard Kagg's Dagbok 1698–1722 // Historiska handlingar (HH). Del. 24. – Stockholm, 1912.

Nyström E. Permeable Boundaries: Manuscript and Print in Concert in Early Modern Sweden / LIR. journal. – Gothenburg. – №1, 2011. – S. 101–125.

Skara Stiftsbibliotek, MS Teologi 33: A Swedish translation of Spener's catechism.

Skara Stiftsbibliotek, MS Teologi 105: Johan Matias Hageman's hymn book from. – 1714.

Wreech C. Von. Wahrhafte und umständliche Historie von den schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. – 1725.